

УДК 94:323.14

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛИЗМА: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2008 г. А. К. Дегтярев

Новочеркасское высшее военное командное училище связи

Проанализированы социальные параметры формирования и становления гражданской идентичности, на выбор которой оказывает влияние национализм, как символический код определённой социальной группы.

Social parameters of formation and becoming of civil identity which choice is influenced with nationalism as a symbolical code of the certain social group are analysed.

Ключевые слова: *идеология национализма, идентификационный выбор, российская государственность, социологический анализ.*

Отмечая в качестве ведущей тенденции глобализации мира рост и даже взрыв идентичностей, исследователи высказывают противоречивые суждения о причинах возникновения и распространения образцов восприятия и поведения, определяющих место народов по отношению к «себе» и остальному миру.

С позиции постмодерна, поиск идентичности кажется обретением потерянного смысла, устойчивой опоры в обществе неопределённости и в силу этого обстоятельства матрица самоопределения сугубо оборонительна, являясь «последним бастионом» на пути унификации не только в экономической, но и в культурной и социально-бытовой сферах. Соглашаясь с самим фактом идентификационной «волны», не следует видеть в этом нелинейном процессе резистентные или «конкурентные» интенции.

Интерес к идентичности возрастает в условиях не только кризиса национальных государств как эффекта глобализации. Осмысление заявленной проблематики затрагивает вопросы исчезновения барьеров и различий между народами и государствами, однако, не в меньшей степени включает анализ гражданской идентичности, самоопределение в системе коллективных координат. Динамическая маргинализация целых социальных и этнических групп, переживающих социокультурный шок от исчезновения иерархии иден-

тичности и идентификационной фрагментарности, не может быть отнесена к разряду ультимативных аргументов. Иными словами, идентичность, которая в основе имеет архетип «свои/чужие» обнаруживает беспомощность в выстраивании позитивной идентичности.

Характерно, что конструирование идентичности в постклассической социальной теории предопределяется соотношением с доминирующими идеологическими матрицами. Этот процесс носит индивидуально-структурную направленность, когда индивид, исходя из собственных усилий согласно тем или иным установкам, актуализирует принадлежность к конкретной общности. Независимо от того, что является приоритетным — давление структурных обстоятельств или сохранение социального «микромира» — идентификация нормативна и всякие отклонения трактуются в процедуре стигматизации, приписывания социального аутсайдерства. Предполагается, что индивидуальный выбор внерационален, аффективен, процесс самоопределения ориентирован на внесение в идентификационную стратегию рациональности, организуемости, консолидируемости через идеологическую индоктринацию.

В такой объяснительной схеме идентификационный кризис осмысливается с позиции утраты авторитета и дискредитации

идеологий социального модерна. Постмодернизм подчёркивает неприемлемость идеологических ограничителей в обществе мультикультурализма, множественности идентичностей, «карнавальных», экстерриториальных, демонстративных по способам интернализации и направленности воздействия на индивида. Современный человек, якобы, ориентируется на массовый индивидуализм и любые коллективные действия поддерживает для обособления от других. Архетип «свои/чужие» не действует в массовом сознании: обретение своего «Я» мыслится в соотношении с потребностью в негативной свободе, с отстаиванием приватной жизни и безразличием к политико-властным структурам.

Деавторитаризация массового сознания трактуется в позитивном смысле, в контексте укрепления толерантности и ослабления репрессивных дискурсов. Э. Балибар и И. Валлерстайн рассматривают «двусмысленность» идентичности, считая актуализацию таких понятий, как «нация» и «раса», сильным аргументом «разделённых» обществ [1, с. 59]. Речь идёт об «истинах прошлого», существующих в современной политике в качестве инструмента насилия и дискриминации отдельных этнических групп. Гражданская идентичность предстаёт альтернативой «национальным ярлыкам», по которым привычно судят о национально-государственной принадлежности друг друга. Идентичность воспроизводится, как гражданская, в той мере, в какой общество устанавливает для индивида обязанность следовать базисным политическим и правовым принципам.

Гражданская идентичность становится возможной, как непосредственно зависящая от жизненных ориентаций индивида и от системы норм и ценностей, пронизанных идеей ответственного индивидуализма. По существу, вопрос вертится вокруг одной и той же дилеммы: можно ли сохранить идентичность и удовлетворить потребность индивида в самоопределении, не прибегая к разделяющим смыслам. Если остаться в рамках бинарности, акт социального самоотождествления вызывает к жизни этническую или, в лучшем случае, государственную принадлежность. По отношению к индивиду доминирует идеология, регулируя поведение и сознание. По версии постмодернизма, принятие идеологических матриц представляет исторический реверс и ограничивает субъектное начало в процессе идентификации. Чтобы убедиться в обоснованности или отвлечённости высказанных суждений, анализ национализма по отношению к формированию

гражданской идентичности, является оправданной исследовательской процедурой.

Американский исследователь К. Калхун подчёркивает, что как это неожиданно и неприятно для оценки анахроничности национализма «Современная идея индивида как локуса неразложимой идентичности — по крайней мере, потенциально самодостаточной, самостоятельной и саморазвивающейся — играет важную роль в национализме» [2, с. 102]. Созвучность национализма индивидуализму можно представить и в виде упрощённой процедуры аналогии «нации — это выражение индивидуальности в целом», и в постклассической трактовке национальности как вписанной в атрибут индивида. Национализм не требует от индивида компетентности, знания социальных и культурных различий и, соответственно, умения разграничивать индивидуальную самостоятельность от притязаний на монопольность своих взглядов и убеждений. С опорой на культурное наследие преобразуется смысл идентичности, гарантируя объединение людей по признаку привязанности к нации. Трансформации подвергается идентификационный выбор: нация является не просто одним из возможных вариантов социального сплочения, а той идентификационной матрицей, в которой только и возможно гармоничное взаимодействие людей. По сравнению с другими категориальными идентичностями (расовыми, классовыми, религиозными), приоритет нации выражается в открытии безграничных возможностей для социальной мобилизации, для включения индивидов с слабо выраженными коллективистскими установками.

В течение десятка лет в российской политической жизни активно обсуждается проблема формирования национально-государственной идентичности, характеризующаяся часто непреодолимыми, казалось бы, разногласиями по поводу выбора идентификационной матрицы. Ясно, что советская модель практически ушла в прошлое, но от этих перемен не становится понятным, что происходит в идентификационных настроениях общества. Утверждение о существовании культурных особенностей (духовность, соборность), государствоцентризме россиян не приближает к конструктивной постановке вопроса о том, какие процессы могут консолидировать «расколотое общество». Демонстрируемые образцы негативной мобилизации (сплочение против внутренних или внешних угроз) спорны в перспективе самоопределения россиян и России в современном мире.

Реализуемая в общественно-политической практике при явной поддержке властных структур концепция российской идентичности наталкивается на значительные трудности. Идентификационный выбор общества всегда является договором элит и народа, что на сегодняшний день отсутствует. Внимание обычно концентрируется на факте социальной поляризации общества, существовании параллельных социальных миров, космополитизме российской элиты. Совершенно отчётливо идентификационная неопределённость в обществе связана с массовой социальной дезориентацией, с дефицитом групповых идентичностей, ориентированных на включение в систему легитимного социального взаимодействия.

Соответственно, российское общество дифференцируется по социально-имущественным признакам, которые определяют принадлежность к привилегированным группам, и не образует в достаточной степени гомогенности для нивелирования социальных различий. Если судить по настроениям населения, значительным символическим (консолидационным) ресурсом обладают армия, церковь, институт президентства. Их влияние зависит от потребности в упорядочивании мира, попытке найти реперные точки в социально неопределённом пространстве. Однако вызывают сомнение возможности указанных структур в реконструкции, точнее формировании новой системообразующей идентичности.

И действительно, расстановка социальных сил связана с использованием административного, экономического, этнического ресурсов, в то время как обращение к институтам консолидации является стремлением солидаризироваться, не изменяя по существу социально-поведенческие акценты. В полной мере последнее относится и к концепции российской идентичности. До сих пор не ясно, какие приоритеты формулируются в процессе предлагаемой идентификационной матрицы— европеизации России, национальной самобытности или евразийского статуса. Отмечается, что наблюдается доминирование этнических идентификаций над гражданскими. «В России гражданская идентификация связана с государственностью, скорее даже с великодержавностью, нежели с этносом» [3, с. 355]. Актуализируется ли при этом националистический дискурс? Наверное, в определённой степени национализм, как идеологема тотальной национальной общности, влияет на трактовку государственности.

Имплицитный смысл российской идентичности— в актуализации ресурса памяти,

использовании исторического и культурного наследия в утверждении состоятельности российского народа. Конечно, на этом пути есть немалые риски, связанные с воспроизводством различий с другими странами и народами. Стремление показать, что Россия всегда была единым обществом, состоящим из множества этнических конфессиональных и социальных групп, требует обоснования в виде «трансцендентного» объединяющего идеала.

Естественно, в приведённой аргументации не может использоваться эссенциализм национализма. В российском обществе никогда не имело определяющего значения «российская национальность» и, более того, попытки сделать из неё формулу идентификации вызывали и вызывают массовое недовольство. Трудность, о которую разбиваются проекты российской «политической нации», можно объяснить культурно-историческими факторами, прежде всего, феноменом национального самосознания.

Иногда такое объяснение «неплохо» работает, образ этнического недовольства демонизируется в условиях кризиса государственности, ослабления или исчезновения институциональных ограничений, связанных с запретом на провоцирование межнациональных конфликтов. Но можно искренне заблуждаться, если считать, что национализм имманентен в структуре повседневной жизни. Являясь культурно неоднородным и даже разделёнными культурными барьерами, население не вступает в политическое соревнование с властвующими группами и не стремится к реформативному существованию системы распределения власти. Скорее, культурное разнообразие выгодно для поддержания политической стабильности, благоприятствуя неприкосновенности властной иерархии. Активность политической жизни принадлежит к привилегии образованных и влиятельных слоёв населения, для которых важнейшим показателем является не этническая принадлежность, а социальный статус.

Как правило, создаваемая на такой почве имперская общность требует только политической лояльности, идентичность локальна и связана с местным контекстом. Всё это говорит о том, что идеологические смыслы не охватывают общество в целом. Иными словами, актуализация имперского наследия не приведёт к переводу российской идентичности в режим повседневного общения. Из этого также следует, что не достигается стандартизированная политическая культу-

ра, позволяющая функционировать целостной политической системе в условиях культурного разнообразия.

Значимыми являются государственные позиции и роль личностей, персонифицирующих власть. Цена политической стабильности — в ограничении идентификационной матрицы атрибутом «приписки к государству». Больше того, от населения не требуется навыков консолидации, по крайней мере, организующим началом не является гражданское самосознание. Между тем, гражданская идентификация, зависимая от идеи государственности, «повисает в воздухе» при низком уровне доверия государственным институтам.

Можно утверждать, что обращение к прошлому не только не компенсирует отчуждённость от современного государства, но и вызывает неоднозначный по последствиям эффект идентификационной ностальгии. Речь идёт о воспроизводстве в обществе воображаемых сообществ, имитационных по своему характеру, но обладающих социальной значимостью для тех слоёв населения, которые не удовлетворены предлагаемой идентификационной матрицей, но испытывают потребность в социальном самоопределении. «Казачи», «дворяне», «белогвардейцы» относятся к разряду операциональных идентичностей, связанных и с использованием как ресурса социальной конкурентности, так и в большей степени с воспроизводством представительских различий, дающих шанс войти в политическую элиту.

Национализм с формулой «одна культура — одно государство» [4, с. 166] оценивает идентификационную неопределённость как социальную патологию или анахронизм. Но может ли национализм в современной российской жизни преодолеть или хотя бы смягчить последствия социального исключения и изоляционизма миллионов людей. Может ли помочь обрести смысл жизни маргинализирующимся социальным группам? Идеологемы национализма чрезвычайно удобны для объяснения актуальных проблем наследием прошлого, чем активно занимаются антироссийские элиты на постсоветском политическом пространстве (Украина, Грузия, страны Прибалтики). Нельзя отнять у национализма и приоритет в использовании системы «национального воспитания», которая достигает своей цели часто ценой дискриминации, насильственной ассимиляции или изгнания тех индивидов и групп, которые не готовы или не соответствуют критериям национальной идентификации.

Следует отметить, что комбинирование в национализме «романтизма» и агрессивности не случайно: идентификационный выбор практически безальтернативен, определяя место индивида в обществе в соответствии с профильностью, наследственными социальными качествами, к каковым относится национальность. Предпочтение этнической идентичности общероссийской можно объяснить её «примордиальностью», преимуществами не только символического, но и социально-политического характера, так как в ней не содержится обязательств ни перед обществом, ни перед государством.

В той же степени, этническая идентичность не легитимна в националистическом дискурсе. Национализм демонстрирует веру в национальное государство, смысл идентификации — не в единении с людьми той же культурно-языковой и культурно-исторической общности, а во включении в политическую единицу, именуемую нацией.

В современной ситуации роль национализма существенно отличается от аргументированной в работах Э. Геллнера, где национализм является способом организации и консолидации индустриального общества [4, с. 160]. Государство отражает попытки навязать ему положение защитника национальной культуры. Более того, происходит дискредитация культурного наследия при использовании в политическом контексте. Если культура воспринимается в обществе, как социально независимый авторитет, негативным уроком можно назвать воспроизводство культурных различий в качестве политических. Это обстоятельство подрывает веру в экспансионизм национализма, но оно является достаточно серьёзным, чтобы обойтись молчанием.

В той мере, в какой национализм самополагает рациональность, культура, в равной степени, как и территория, и социальное благосостояние, является признаком национальной гордости и даже величия. Культурное наследие, как представляется в контексте национализма, призвано решить политические проблемы, быть вписано в борьбу за создание и развитие национального государства. Соотнесение культурных смыслов с интересами людей рассматривается как псевдопроблема. В противоположность концепции гражданской идентичности, основанной на индивидуальности рационального типа, национализм актуализирует традиционные понятия «честь», «гордость», «достоинство», проецируя их значения в сферу политических интересов.

В этом смысле национализм элитарен, разделяя население на носителей высокой культуры и массового потребления. Но также можно утверждать, что подобной ошибкой грешат те, кто выводит перспективы становления гражданской идентичности в зависимости от расколотости / консолидированности политических элит. Это наводит на мысль, что исчезают границы между государственноцентристской и националистической матрицами, так как они дают весьма слабое представление людям о том, как можно согласовать самоидентификацию с включением в большую формализованную общность. Опираясь на сравнение националистического и государственноцентристского подхода к проблеме гражданской идентичности, можно утверждать, что для них более важным является «подчинение», чем выбор.

Тем не менее, против чего можно решительно возражать, так это против идеи, что государственная идентичность является примордиальной национальной идентичностью. Более точное объяснение сдвига в сторону государственности в формировании российской идентичности можно найти не в желании «переиграть» этническую идентичность, оттеснив её на периферию массового сознания, а в полагании российскими элитами состоятельным использованием государства, как обладающего сакральностью символического ресурса. Разумеется, насколько это полезно в условиях отмеченного недоверия государственным структурам, вызывает вопросы. Но, вероятно, таким образом, представляется возможность большего достижения политического контроля, чем занятие однозначно националистических позиций.

Как отмечает И. Нойманн, конструирование идентичности, как правило, не допускает выражение позиции слабости и не должно противоречить доминирующим в элитной среде представлениям о суверенности государства [5, с. 57]. Ориентируясь на государствоцентризм, архетип «свой / чужой» переносится на отношение к остальному миру, в то время как националистический дискурс содержит убеждения в формировании коллективной идентичности приписыванием государству роли «национального очага». Иначе говоря, национализм содержит риск внутренней конфликтогенности, определяя в качестве условия конструирования идентичности поиск «внутренних врагов». За это приходится, естественно, платить цену политической нестабильностью. Государствоцентризм восполняет этот недостаток переходом

к нейтральной в этническом аспекте системе лояльности.

Мобилизация народа на национальной основе играет решающую роль в борьбе с иностранной агрессией (вспомним «русский ренессанс» в 1942–1945 гг.), но не имеет сопоставимого значения в рамках стабильного институционального порядка. Если используется «националистическая» риторика, то предназначенная в целях конструирования позитивного образа государства, подтверждения государственного патриотизма населения. Это означает, что происходит постоянное «пожертвование» идеей гражданской идентичности. Основная проблема состоит не в том, что государство наделяется правом на монополию в идентификации общества, а в более значимом утверждении, что только в единстве с государством возникает консолидация общества.

Действительно, в России общество «рушится» без государства, как арбитра общественных интересов, как координатора социально-политической деятельности, но это не означает, что тем самым нейтрализуются попытки реставрации архаичных идентичностей. Становление гражданской идентичности институционализируется в рамках обеспечения государством устоев стабильной экономической и политической жизни. Население связывается с государством как с пространством реализации гражданских прав и обязанностей, и возможностей коллективных практик, направленных на совершенствование государственно-политической системы.

Вроде бы абстрактная формула содержит указания на свободу от идеологического манипулирования и отказ от идеи национального государства путём достижения социальной консолидации допуском социальных групп к политическим ресурсам. Нельзя ожидать прихода либерального и мультикультурного общества: в российском обществе этот вариант не считается успешным для решения социальных и политических проблем. И дело не в том, что лозунг открытого общества не вписывается в традиционный менталитет населения. Также как и национальное государство, либеральное «гражданское общество» не является тем пространством, в котором можно делать исторические ставки.

Вывод из идентификационного кризиса, если понимать под этим фрагментарность и имитационность практикуемых идентификационных матриц, мыслится в суверенизации культурного пространства и рационализации

социально-политических отношений. Не поддаваясь на провозглашение национализма духовности, основной целью государственной политики, подлинной и значимой сферой формирования гражданской идентичности, можно считать участие в создании нового институционального пространства, в котором можно усвоить стандарты социальной солидарности. Этой задаче сопутствует существующая в российском обществе установка на политическую стабильность. В отличие от националистов, большинство россиян не готовы к тому, чтобы позволить унифицировать культурную идентичность, включиться в общественную среду ценой «национальной исключительности». Но было бы неверно соотносить гражданскую идентичность с формами приватной жизни. Стало быть, задача не в том, чтобы разграничить и идентифицировать сферы государственных и индивидуально-групповых интересов. Связывать гражданскую идентификацию с государством означает установление социальных обстоятельств, при которых российская идентичность доказывает только возможности предъявления претензии к власти. В основном смысле в неё входит ответственность населения за свою страну и признание государством идентичности граждан в качестве источника их политической субъектности.

Что мы получаем, рассматривая гражданскую идентичность не как символ, а как социальную реальность? Здесь крайне полезным является различие между национализмом и принадлежностью к нации: самоопределение в системе российского государства на отмеченных основаниях обесмысливает устремления использовать националистический дискурс и, в меньшей степени, национальную риторику в защите гражданских прав. Этническая дифференциация перестаёт быть объектом активной при-

вязанности, коллективные социальные практики, направленные на удовлетворение «привычных» социальных и политических потребностей, создают принадлежность к «общероссийскому дому». Гражданская идентификация предполагает такие процессы, в которых национальная символизация значима в контексте позитивного различения, стимулирования интеграции и достижения, целей запретом этнического насилия. Таким образом, государство, снимая обвинения в стремлении к однородности, оставляет за населением право создания основ консолидации. Очевидно, что государство существует в рамках политической и территориальной целостности и нация играет легитимирующее значение в международной политике. Гражданская идентичность превращается в норму в качестве базового элемента общественной жизни, допуская социальную, экономическую и политическую конкуренцию стран и сообществ, являясь символически «призом народа на лучшую жизнь». Отсюда следует, что найти выход из ситуации ксенофобии и мультикультурализма можно на пути соединения силы государства и принятия обществом дискурса гражданства, активизации ресурсов консолидации в целях самоопределения в современном мире.

Литература

1. Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс.— М., 2003.
2. Калхун К. Национализм.— М., 2006.
3. Данилова Е. Н. Социальные идентификации в трансформирующемся обществе // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ.— М., 2005.
4. Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм.— М., 2002.
5. Нойманн И. Использование «Другого».— М., 2004.

Поступила в редакцию

Александр Константинович Дегтярев, доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин НВВКУС.

Автор более 100 работ по проблемам национализма, философии, права, единства армии и общества.

В качестве научного руководителя подготовил 9 кандидатов социологических наук.

346428 г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132.
Тел. раб. (факс) (86352) 7-49-93.